

ности, а по убеждению скажем, что исполнение было ниже предположений.

Но мы имеем еще одно убеждение — пожалуй еще одну претензию: редакторы лично сознавали цель, к которой стремились, и горячо желали ее достигнуть. Они первый недоволен М. Г. Листком, но он думает, что видит недостатки Листка не хуже самых строгих его судей. И кому же ближе видеть эти недостатки, как не редактору? Они напоминали ему о себе, всякий раз, когда он, стараясь осуществить свое намерение, встречал к тому препятствия. Не все читатели знают, что некоторые обвинения, справедливые в отношении к Листку, вопиюще несправедливы в отношении к редакции. Нравственная ответственность человека и пред другими и пред самим собою всегда соотносится с тем, что было в его воле.

В последние тринадцать лет, со времени прекращения Московского Телеграфа, не посчастливилось ни одному московскому повременному изданию Надобно думать, что такое явление не объясняется достаточно одним искусством редакторов, а что есть и такие препятствия, которых не осилит никакое дарование. Мы ринулись издавать ежедневную газету в такое время, когда в Москве успешное издание даже и ежемесячного журнала почиталось чем-то несбыточным. «О чем в Москве писать?» и даже «Кому в Москве писать?» — вот что нам говорили. Но в то же время, и часто от тех же лиц, мы слышали жалобы на затруднения, препятствовавшие здесь безоглядному печатному изложению мыслей, и нам казалось, что ежедневного издания, в возможности которого сомнитались, здесь однако желали. Как московский житель, мы попытались, не можем ли чего сделать для устранения хотя части тех неудобств, на которых слышались стовзвония — плодом наших усилий была Московский Городской Листок, и каков вы вышли этот плод, мы возрастили его не столько нашими средствами, которая во всех отношениях были весьма ограничены, сколько нашим усердием и старанием, которая, говорить с спокойною совестью, были велики.

«О чем в Москве писать?», «Кому в Москве писать?» Не смотря на недостатки московской общественной жизни, мы не вполне были согласны с этими возражениями. И теперь, окончив наш годовой труд, еще менее прежнего можем согласиться с возражениями. Несправедливо поступать те, которые все несовершенства Городского Листка приписывают нам одним, но несправедливо несправедливо будут те, которые из несовершенств Листка заключают, что в деле журналистики, не зная ничего ожидать от Москвы. Мы считаем себя в обязанности ободрить таких слишком охотно-отчаивающихся людей, и сближаясь со знанием, что уже одна наша неопытность много вредила нашему предприятию. В деле литературы, — прибавляем для тех же недоброжелательствующих Москве господ — первым нашим опытом было — взяться издавать ежедневную газету; и если, не смотря на такое невыгодное обстоятельство, мы успели сделать хотя немного, то почему не ожидать успеха, если за дело возьмутся люди опытные, более нас даровитые и более нас богатые всякаго рода средствами. Мы, М. Г., не усумнились в Москве и ставим это себе в заслугу; совершенно почтем себя вознагражденными за наши труды, в продолжение года, если перестанете утешать нас тем, что мы ошиблись. Несравненно более будем мы вами утешены, если предпримете что либо истинно доброе, и с любовью к делу на самом деле.

Не мы, повторяем, слишком усумнились в Москве. Однако — знаем — нас винили и в том, будто недостаточно уважаем наш родной город. «Страшно», говорили некото-

рые (уже, разумеется, другие господа.) «что М. Г. Л., в Москве и преимущественно для Москвы издаваемый, позволяет себе иногда порицать Москву: того нет, другое —хорошо. Порицать Москву могут и не московские, а московская газета о хорошем московском пусть бы и то ковала.» Понимаем, что вы хотели сказать, М. Г., — но с вами не согласны: хорошее мы готовы хвалить не только петербургское, или парижское, но и пекинское. Любить Москву, значить же жить ей всего хорошаго, а не находить в ней все хорошим. — «Вы не довольно уважали московскаго, ибо не думали защищать нас против выходов наших порицателей.» — Нет? а те, которых порицали, не имеют голоса? Им защищаться не позволять их хорошия московскія или другія какія качества — и потому, не правда ли, защищать их было бы наше дело? Благодарим за живливость. — Къ тому же, позволяете заметить, мы, не так мало уважаем Москву, чтобы самонадеянно брать на себя роль ея защитника — роль, которую многие исполняют здесь, как нѣмыя лица. Мы думали что могли при наш х ограниченныя средства, приращенія которых вы не позволили нам ожидать от ваших более пламенных къ Москвѣ «сочувствій», или еще чего другаго изъ терминологіи нашего кружка котораго Москва — смеем доложить — несколько ширѣ.

Московский Городской Листок имѣть честь быть *первою*, явившеюся въ Москвѣ ежедневною газетою. Это листок нешему личному самолюбию; но первая газета должна была испытать и все первая затрудненія.

Возобновится ли Листок или нет, Москва уже не останется без ежедневной газеты — та или другая будет. И нет сомнѣнія, что со временем войдет в общій кругъ такое, чего съ первого разу достигнуть было невозможно. Отъ многихъ улучшеній, которыхъ мы желали, мы должны были отказаться съ первыхъ же номеровъ.

По предмету официальныхъ извѣстій, касающихся до Москвы, въ объясненія не входимъ: газета, по *программѣ изданія*, находилась подъ покровительствомъ Главнаго Московскаго Начальства (*).

Въ отношеніи къ официальнымъ статьямъ, Редакторъ долженъ отвѣчать предъ читателями только за болѣе или менѣе удачный выборъ внутреннихъ извѣстій изъ разныхъ официальныхъ газетъ и журналовъ.

Исполняемъ пріятнѣйшій долгъ свидѣтельствъ здесь объ искренней нашей благодарности литераторамъ, участвовавшимъ своими трудами въ Московскомъ Городскомъ Листкѣ. Опытные и пользующіеся извѣстностію писатели, понимая, сколько авторитетъ ихъ могъ быть полезенъ для новаго предпріятія, благосклонно доставили намъ возможность укрѣпить нашу газету ихъ именами. Весьма многие молодые люди помогли намъ съ дружескимъ доброжелательствомъ и безкорыстною дѣятельностію, на которая мы не имѣли другаго права, кромѣ общаго съ ними уваженія къ наукѣ.

Редакторъ, не называя никого по имени, припоминаетъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ, что могъ назвать сотрудникомъ одного изъ своихъ прежнихъ сравнниковъ, котораго ученикомъ ему особенно пріятно называть себя.

Всего менѣе позволимъ мы себе печатно благодарить нашихъ сотрудниковъ. Есть, однако одинъ, которая не однокорожанка съ нами, и которой мы не имѣемъ удовольствія знать лично. М. Г. Листокъ, въ которомъ такъ замѣтно преобладали статьи ученяго, такъ называемаго «сухаго»

(*) Московскій Городской Листокъ есть ежедневная газета, издаваемая подъ покровительствомъ Главнаго Мѣстнаго Начальства. Официальная часть содержитъ извѣстія, сообщаемыя городу отъ Главнаго Мѣстнаго Начальства: это официальные хвасты города. (Прозр. М. Г. Л.)

содержанія, часто оживлялся душевными стихотвореніями молодой писательницы, точно весенними цвѣтами, а несколько разъ и такими въ прозѣ разсказами ея, гдѣ слытъ женственное, въ лучшемъ значеніи этого слова, и строго художественное чувство. Полюбилъ пьски, о которыхъ теперь говоримъ, мысленно приветствовали мы ихъ автора не какъ сотрудника только, но и какъ замѣчательнаго дѣлателя въ области отечественной словесности, дѣлателя котораго имя не поблекнетъ — предчувствуемъ мы — отъ техъ быстрыхъ переиравъ въ требованіяхъ вкуса, которыми изгладились изъ исторіи русской литературы столько женскихъ именъ.

Обращаясь отъ поэзии къ прозѣ, мы опять должны очень и очень благодарить. Кто понимаетъ все техническія затрудненія, какія можетъ встрѣтить издатель въ московскихъ типографіяхъ, и какую важность могутъ имѣть эти затрудненія при ежедневномъ изданіи, тотъ догадается, что мы хотимъ говорить о изшемъ типографіи. Самое подробное условіе не могло бы опредѣлить всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ намъ необходимо было усердное его содѣйствіе. Мы слышали лучшее, что могли — поюжились на честное слово и опытность Николая Степановича Степанова и, по окончаніи года, совершенно довольны, что ограничились такимъ простыишимъ распоряженіемъ.

Редакторъ.

СОСЪ

(Изъ Байрона.)

1

Двудушная жизнь У сна особый миръ
Иезвѣдннхъ чувъ и проблесновъ веселій,
Въ которыхъ сны (разнообразный рои)
Судятъ вѣсны и зачлвняютъ совесть,
Тревожатъ умъ и усмалютъ сердце,
И остудивъ пылающую кровь,
Сжимаютъ грудь Но что они такое?
Промедлннаго живое отраженіе
Нашъ плодъ раскованнаго дуза,
А этотъ духъ нервно изсылаетъ
Своими же созданными звѣздами,
Нашъ творитъ святую красоту
Вышла мысль въ полупрозрачный прапоръ.
Но все равно! И разскажу видѣнье,
Которое въ немноте часы
Включало два разнотипныя жизни.

2

Два существа стояли на долѣ,
Водилинуготъ невѣдомою силой
Среди волей и влажныхъ луговъ,
Несчерченныхъ расцвѣтшими полевъ,
И глыбами гранита испещренными;
Курлился бѣлѣющій трубы,
И около лепечущихъ кночей
Бродилъ табуна А эти двое — отрокъ
И девушка Она глядела внизъ,
А на нес. на видную глядѣлъ онъ.
Она была его любимымъ звукомъ,
Безмолвству заслушивался онъ;
Она была руководящимъ окомъ,
Которымъ онъ на оудущность глядѣлъ,
И не жить онъ, какъ это говорится,
А ея жель Она была то море,
Въ которое переструилъ онъ.
И какъ его счастливино пожатье
Ея руки. Но, ахъ! она видѣла,
Да не по немъ. Его считала братомъ,
Но не его любовно любила.
И потому глядела внизъ — и видѣлъ
За всанникомъ, обѣщавшимъ стремнину,
Направила лазурные глаза.

3

Мѣнялся картина сновидѣній.
Старинный домъ Къ высокому крыльцу
Привладела обѣданныя лошади.
По кончатъ раскаяннвсть отрокъ,
Береть перо и что-то пишетъ, пишетъ,
И дописавъ написанное вѣтъ.
Но тѣсно грудь порывисто вздымаетъ,
И третью грудь тревожатся суставы:
Изъ яркихъ глазъ не выбгнать слезы,
И наконецъ какъ будто утихануть
Страданія — и входитъ — о! она
Съ улыбкою на пурпуровыхъ губкахъ.
(Хотя была заступницею свирьхъ,
Хоть поняла, что привелоса ей
Его сгубить — и насладилась горе
Незлбнаго, но видно не вполнѣ!)
И онъ приставъ протягиваетъ руку,
И на его чель изобразились

Старается... но что же?... Вот улыбка
Уже его. Окончено прощанье.
И он идет и медленно связывает
Съ нучительно-знакомого двора.

4.

Мялется картина свиданья.
Онъ воужалъ (теперь не то что прежде),
И страствуеъ по сунам и водамъ.
Печальная и дивная события
Случаются въ необычайной жизни.
И призраки, какъ волны за корной,
За нимъ бегутъ. Но п-гладите — онъ
Скитается по безпредельной степи
И жжетъ его полуденное солнце,
И въ волосы въдается песокъ,
И гд-то тамъ, но очень недалеко
Вызвать звать. Но вотъ и ночь. Постель
Въ развалинахъ бесспорно пережившихъ
Строителей. На стражи человекъ
Съ конемъ въ руки, въ бляющей одеждѣ,
Привыклаи горбатые верблюды,
И ясно чистъ лазурный небосклонъ,
Такъ ясно чистъ, что даже...

5

Мялется картина свиданья.
Любимая обвнчана. Теперь
Она живетъ съ благообразнымъ мужемъ
И дочерни положима на ниль,
И искренно-послушными сынами.
Но никогда на молодомъ лицѣ
Рисуется известными чертами
Свидѣтельство невинной борьбы
И, видимо отяжелѣвши, вѣжды
Скитаются. О чемъ же ты тоскуешь?
Съ тобою все, что любила ты,
И далеко любимашъ илюбимый —
Къ чему тоска? Его не ждѣица,
И прошлое прошло иеовратимо!

6.

Мялется картина свиданья
Намъ пилгримъ предъставился глазами
Предъ алтаремъ съ свѣтлою двнцей,
Прекрасною, какъ бѣлая лилея,
Но все не такъ, какъ первая, какъ та.
И стало, что въ важное мгновенье
Его объять неодолимъ трепета,
И на его челѣ изобразилось
И стерлось... какъ никогда Онъ,
Проникся уставившись клятву,
Не высунувъ свидующий отвѣтъ,
Но воссталъ большимъ воображеньемъ
Знакомый домъ, тѣлесное радучие
И мирный в гдѣзъ. А кажется, къ чему
Подобное въ такое время — тамъ?

7.

Мялется картина свиданья.
Красавица занесена душой,
И вселенная ея большая очи,
Какъ звѣздочки обязательнаи тучей,
И на ея челѣ начертательно
Величье неодолимаго безстрастья.
Увы! она переселилась въ ниръ
Фантазия — немало различада
Радичное и слышала ушами
Безлучное. Все говоритъ: безумье,
Отсутствіе чего-то. Да, оно,
Оно — стекло, лвлющее жизнь
Безъ нилаго, но южного покровца.

8

Мялется картина свиданья.
Иновъ одиноко известный пилгримъ,
И инное какъ будто неинотно
И стертно въ немъ. Его не любить люди,
И нль за то не невидитъ онъ,
И съ ничи онъ за то не поужителъ;
Ему нитье и лицѣ горьки. Онъ,
Какъ инкогда повѣстей государь,
Отраванаи пилается — и что же?
Съ того живеть, съ чего друпе мрутъ.
Но никогда не понимаютъ быдое:
Скоросено, но не забыто. Такъ

9.

Д-лнѣйшее невяно. Какъ чудно,
Что сумрачнымъ и нестрѣмъ свиднтьемъ
Возсоздано прошѣдшее чети!
Что одного закончило безумство
И скорбно замучило обонъ.

Д. Комтеев.

1846.

ТРЕТЬЕ ПИСЬМО Г. АУЕРБАХА КЪ РЕ-
ДАКТОРУ М. Г. ЛЯТКА.

м. г.

Наконецъ г-ну Руне удалось «лучить сво-
бодное отъ срочныхъ занятій время», чтобы
окончить свое третье объясненіе, котораго
начало увидѣло свѣтъ 16-го сентября, про-
долженіе, вызванное моимъ нетерпѣливымъ
отвѣтомъ (отъ 15-го октября), 11-го ноября
и окончаніе — сего 29-го декабря. Эта гро-
моздкая статья, таившаяся чрезъ 8 NN^o Лист-

ка (напечатанная въ книжку in 8-во, она на-
полнила бы около ста страницъ), быть мо-
жетъ, но одному мнѣ живо напомнила слова
Л. фонъ Буха: «wortreiche daher inhaltleere
Widerlegungen». Въ самомъ дѣлѣ, намѣреніе
г-на Р. — въ потоппъ словъ извести своихъ про-
тивниковъ — явно. — Не буду входить въ
разбирательство, каковъ тонъ окончанія объ-
ясненія г-на Р.; не позволю себѣ разотчро-
вывать его въ столь сладостной для него меч-
тѣ, что онъ ратуеъ противъ дружнаго «то-
варищества»; не изъявляю удивленія его так-
тикъ — вышудивъ меня разными оподозрѣ-
ваніями принять участие въ чужомъ спорѣ,
представлять изъ себя оскорбленнаго и пре-
сльдующаго меточною завистью, — прохожу
молчаишемъ его укоръ, будто я, «обернувъ все
дѣло на лѣсное образование, вслѣдствіе стараюсь
отводить споръ въ сторону», укоръ болѣе чѣмъ
забвнный со стороны г-на Р., раздѣрбнвшаго
споръ, самъ по себѣ столь простой, на
безчисленные пункты и подраздѣленія: — на-
дѣюсь все это по достоинству оценено тво-
ими изъ читателей, которые не усталииись
пройти сквозь лабиринтъ послѣдняго «объяс-
ненія». Ежели берусь за перо, то единствен-
но для того, чтобы пополнить некоторые пу-
нкты моихъ отвѣтовъ, которые я, полагаюсь на
ученую совѣстливость г-на Р., не счелъ нуж-
нымъ доказывать, и еще для того, чтобы ося-
зательнее обозначить, какимъ оружіемъ во-
юеъ г. Р.

а) Въ № 246 М. Г. Листка, г. Р. изъ-
являетъ свое негодованіе за то, что я употре-
бляемъ имъ терминъ Buchia-Sandstein на-
звалъ чуждымъ для науки. Вотъ причины, ме-
ня къ тому побуждающія:

1) Г. Р. предлагалъ дважды (въ словкѣ къ
своей Рѣчи и въ протоколѣ Общ. Исп. Пр.
Bull. 1815 p. 289) переименовать въ Buchia
mosquensis раковину, называющуюся прежде
Inoceramus (Avicula) mosquensis, а нывъ Au-
cella, но онъ никогда и нигдѣ не представи-
тъ ни причинъ, ни доказательствъ на это; а вы-
конечно согласитесь, М. Г., что въ подобныхъ
случаяхъ авторитета г-на Р. не достаточно, и
если бы ему вдругъ вздумалось пожеловать, на-
примеръ, козла въ бирны, то онъ не въ правѣ
гнѣваться на другихъ, если они воспротивля-
ются принять на вѣру это нововведеііе. А еже-
ли этотъ примеръ, въ точности верный, по-
кажется для г-на Р. неубѣдительнымъ, и
ему непременно нужное читать, то вотъ онъ
изъ сочиненія извѣстнаго критика и обще-
уважаемаго ученаго Бронна (N. Jahrbuch
1846 p. 622): Eine blossе Benennung, welche
nicht von einer genügenden Beschreibung, Dia-
gnose oder Abbildung begleitet ist, hat keine
Ansprüche auf Beachtung.

2) Введеніе термина Buchia - Sandst in
непозволительно и потому, что Мурчисонъ
(Russia I, 237) уже употребилъ синонимъ это-
го своего термина (хотѣ бытъ можетъ неудачно)
Inoceramus grit (*) для означенія совершенно
другаго члена нашей же юрской формціи.

3) Наконецъ, допустимъ даже съ г-номъ
Р., что терминъ Buchia-Sandstein состав-
ленъ очень удачно, все таки его должно от-
вергнуть потому, что вопреки печатнымъ сло-
вамъ г-на Р., раковина Aucella mosquensis
(Buchia по желанію г-на Р., прежде Avicula
mosquensis) вовсе не встрѣчается «исключи-
тельно» въ томъ юрскомъ ярусѣ, который г.
Р. хотѣлъ означить ея именемъ, а потому и
не «характеризуетъ» его. Это очень ясно
высказалъ самъ г. Р. (Couppe geol. d's env. de
M. rem. VI) словами: Les fossiles les plus
frequents du jura... Avicula (Inoceramus)
mosquensis se repntent dans les quatre étages
de la formation.

б) Въ № 249 М. Г. Листка, г. Р. спра-
шиваетъ, почему я не привелъ цитата его
словъ въ доказательство моего права говорить
положительно, что онъ строилъ дивную свою

(*) Буквально — песчаникъ, содержащій Inoceramus
(Aucella) mosquensis.

теорію объ огневомъ происхожденіи нашихъ
уэльскихъ пластовъ, не выдавъ собственны-
ми глазами кинскихъ песчаниковъ, доста-
вившихъ ему основу для нея (объ этой своей
теоріи, равно какъ и объ несуществованіи
пластовъ въ этихъ песчаникахъ, г. Р., от-
вѣчающій на все, даже и тогда, когда это счи-
тается излишнимъ, стать что-то помалчивать).
Можно бы повторить то, что я сннжкомъ
поиздвлялся на искренность собственного его
убѣжденія, но г. Р. непременно хотеть цита-
та; можемъ ему оказать это удовольствіе. Въ
исходѣ 1846 года онъ въ той же самой статьѣ,
въ которой дарить ученый свѣтъ помянутой
теоріей, изчислила мѣстности Моск. губерніи,
въ которыхъ до тѣхъ поръ были находимы
песчаники, говорить и объ кленовскихъ,
переводя словесно мое ихъ описаніе (нахо-
димое имъ теперь столь недостаточнымъ), при-
бавляетъ: «Cette localite interessante a été étu-
diée par Mr Auerbach.» Никакъ невозмож-
ительно предполагать, что тогда одна скром-
ность удержала г. Р. дополнить мое недо-
удовлетворительное описаніе результатами своихъ
собственныхъ изслѣдованій.

с) Въ № 280-мъ М. Г. Листка, г. Р. про-
ситъ меня доказать ему «логически и факти-
чески», что описанный имъ подъ именемъ ры-
бы коралль рисованъ не съ натуры. Стран-
ное требованіе! я долженъ, логически и фак-
тически, доказывать, что дѣло происходило
въ его кабинетѣ не такъ, какъ онъ его пред-
ставляетъ. Г-у Р. ни чуть не будетъ легче,
если я соглашусь, что рисункъ сдѣланъ съ
оригинала; напротивъ, при этой уступкѣ мое
обвиненіе приняло бы характеръ еще болѣе
серьезный: если бы г. Р. нарисовалъ неверно
съ памяти, то это еще можно бы несколько
извинить; но ежели онъ, имѣя предъ собою
въ оригиналѣ коралль, нарисовалъ для сво-
ихъ цѣлей рыбу, то это становилось бы ум-
мышленнымъ искаженіемъ, уже никакъ не-
извинительнымъ въ наукѣ. Что дѣйствитель-
но этотъ рисунокъ ни въ цѣломъ, ни въ ча-
стяхъ не только не походитъ на оригиналъ,
но даже издадека его не напоминаетъ, въ этомъ
ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, кто видѣлъ ориги-
налъ, и въ особенности на того общеуважае-
маго члена нашего общества, на котораго
ссылается самъ г. Р.

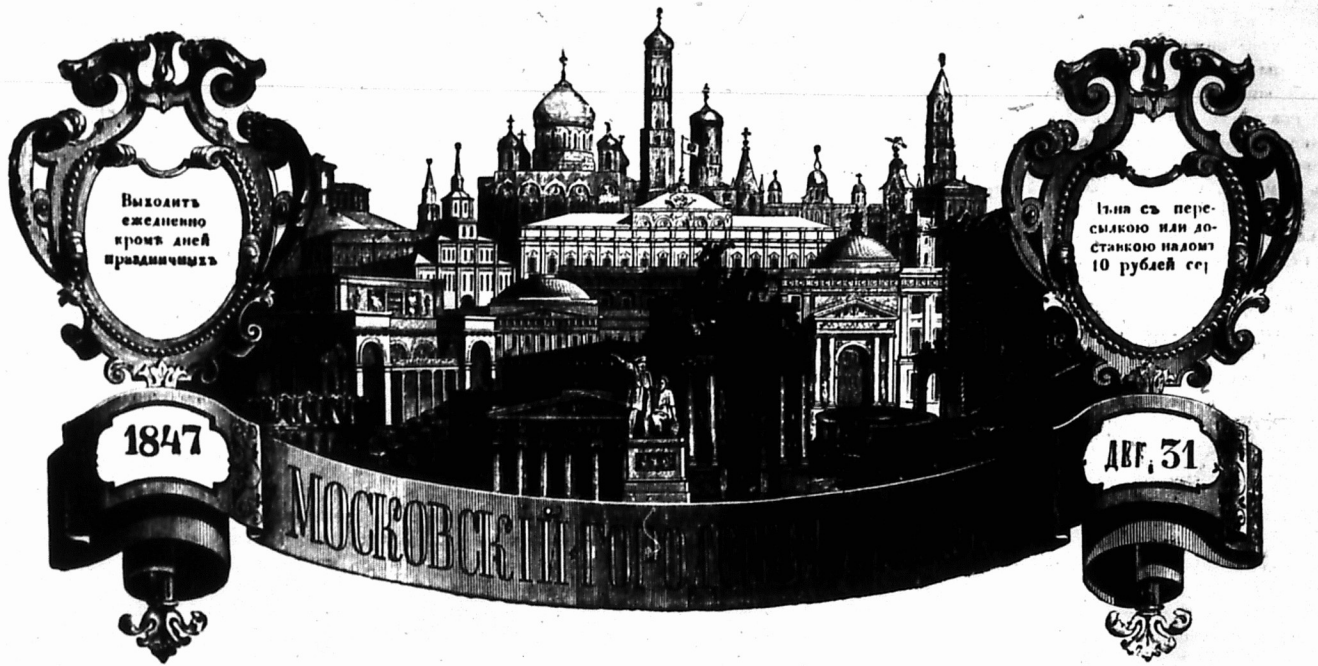
На эти пункты я счелъ нужнымъ дать объ-
ясненіе, спорить же съ г-номъ Р. объ удач-
ныхъ и неудачныхъ терминахъ, объ харак-
терѣ уэльской формціи, о признакахъ истин-
ной скромности и денкиатности, о томъ, что
значитъ геологическое открытіе, словомъ de
omni re scibili я считаю совершенно беспо-
лезною тратою труда и времени, тѣмъ болѣе,
что я отною не критику (какъ ему угодно
меня чествовать) его «грудовъ», помѣщая ихъ
въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ (при-
бавимъ — неученыхъ); предложи о въ какомъ
либо специально-ученомъ журналѣ свои «уче-
ныя изслѣдованія», будто высказанныя въ
нашемъ спорѣ, и онъ конечно найдетъ кри-
тика не въ одномъ мнѣ. Вести же съ г. Р.
такъ называемую журнальную полемику, про-
сто невозможно. Для читателей достаточно
выставить свидующіе образчики его поеме-
ческой тактики.

1) На стр. 988 М. Г. Л., г. Р. въ пользу
своего мнѣнія, будго терминъ «лѣсное образо-
ваніе» превосходно передаетъ существенный
характеръ уэльской формціи, приводитъ два
слѣдующіе цитата:

Jene in England wegen ihrer Ausbreitung
unter den Wäldern etc. mit dem Namen Weald-
clay oder Wealdformation belegten Gebil-
de (Geinitz, Verstein.-r. p. 746)

Allen diesen Schicht-n wurde der gemein-
schaftliche Name der Weald oder Wäldergrup-
pe gegeben, weil sie in dem Weald (Wald)
genannten Theile etc. am besten studirt werden
können (Hartmann p. 298)

Неужели г. Р. приводитъ нѣмецкіе цитаты
единственно для незнающихъ нѣмецкаго язы-
ка?

СРЕДА. № 285.

ОТЪ РЕДАКТОРА МОСКОВСКАГО ГОРОДСКАГО ЛИСТКА.

Московский Городской Листокъ съ 1-го января 1848 года выходить не будетъ. Издание прерывается впредь до благоприятнѣйшихъ обстоятельствъ.

Въ продолженіе года мы хранили молчаніе о своемъ дѣлѣ; надѣемся, что читатели не сочтутъ излишнимъ краткаго объясненія, которыми заключаемъ свой трудъ—во всякомъ случаѣ, оно уже конечно не преждевременно.

Начиная съ того, что позволяемъ себѣ привести собственныя наши слова. Вотъ что въ ноябрѣ 1846 года говорили мы въ 143 № Московскихъ Ведомостей:

Во всякой благоустроенной странѣ, правительство и предѣлы его повѣдѣній — частныя лица — находится въ тѣсныхъ между собою сношеніяхъ. Доволяя или запрещая, одобряя или осуждая, убеждая или поведывая, словомъ почти при каждомъ дѣйствіи своей заботливости, правительство вступаетъ въ необходимость сообщать иное во известіе всѣмъ, иное во известіе некоторымъ. Отсюда обнародованіе законовъ, указовъ и постановленій, оффиціальная газета, журналы разныхъ министерствъ, изданія отъ разныхъ вѣдомствъ. Излишне говорить о пользѣ и необходимости этихъ орудій, тщательно употребляемыхъ правительствомъ всякаго народа, стѣпанаго на известной степеніи гражданственности.

Изяснивъ причины, по которымъ у насъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, необходимо, чтобы Правительство само производило многія изысканія, собиравало многія свѣдѣнія и обнародовывало многое во всеобщее извѣстіе, мы писали:

Та же государственная мысль, которая опредѣляетъ изданіе журналовъ разныхъ министерствъ и главныхъ управленій, и основала столько же новыхъ оффиціальныхъ періодическихъ изданій, сколько считалось въ имперіи губерній — та же мысль служаніе основаніемъ, на которомъ предполагается утвердить и дѣйствіе оффиціальной газеты отъ главнаго начальства московской столицы.

За симъ, сказавъ правдѣ, въ чемъ должно бы заключаться правительственное значеніе столичной русской газеты, мы указывали на другую пользу, какую можетъ принести ежедневное въ Москвѣ изданіе, именно на значеніе, какое оно могло бы имѣть въ отношеніи общественномъ:

Москва — сердце Россіи. Находится въ средоточіи тѣхъ губерній, которая составляютъ ядро государства, этотъ городъ — истинный представитель народныхъ нравовъ, быта и чувства. Главный ры-

нокъ внутренней торговли, Москва — широкое поле для соотвланія мануфактурнаго и торговаго; многолюднѣйшій городъ въ среднѣхъ государствахъ, — она тотъ пунктъ, гдѣ ищетъ образованія юношество центральныхъ губерній, и гдѣ самая бразованность преимущественно принимаетъ направленіе народное. Нарѣчие московское — первенствующее въ имперіи, въ устной рѣчи Москвитинъ — живое начало и измененій и усовершенствованій языка русскаго. Въ Москвѣ тотъ народный тактъ, то нравственное оселаніе, которое рѣшаетъ, что согласуется съ русскимъ чувствомъ, что сообразно съ русскимъ умомъ, что можетъ и что не можетъ приняты на русской почвѣ.

Четыреста тысячъ жителей, живописная мѣстность, земля освещенная воспоминаніями, обиліе историческихъ зданій, раскинутыхъ по всему городу, какъ буквы великолѣпно начертанной алфавиты, — сколько, по видимому, благоприятныхъ условий для умственной жизни, при общемъ довольствѣ, при значительномъ распространеніи образованности, при всеобщемъ числѣ людей, имѣющихъ достатокъ, и живущихъ заботъ на полную досугъ.

Чѣмъ же заняты умы благополучно-процветающей столицы? Какіе труды совершаются въ ней по части наукъ и словесности? Гдѣ записывается каждое слово хотя вышняя жизнь ея многолюднаго и разнообразнаго общества?

Отвѣтъ неутѣшительный. Московскіе толки давно пользуются заслуженною славою; самые незначительные случаи подаютъ поводъ къ молвѣ, столь преувеличенной и обезображенной вымыслами, что трудно бываетъ отличить зерно истины, изъ котораго молва возникаетъ. Пересуды о лицахъ, исполненныя дура ислочности, которыя, казалось бы, могли господствовать только въ тѣсныхъ кружкахъ убогаго городка, которыя, по крайней мѣрѣ, должны были бы доставлять удовольствіе лишь умамъ ограниченнымъ, пересуды такого рода слышатся часто въ московскихъ гостиныхъ, и занимаютъ праздно людей даровитыхъ.

Въ кругу людей мыслящихъ, современные общественныя и литературныя вопросы нередко составляютъ въ Москвѣ предметъ бесѣды, оживленныхъ блестящихъ остроуміемъ. Не льзя не признать, что въ этой особенноти Москвы заключается начало живое и плодотворное. Это явленіе привлекало вниманіе иностранныхъ путешественниковъ, не безъ удивленія встрѣчавшихъ въ Москвѣ самостоятельное умственное движеніе. Но съ другой стороны, московская бесѣда приноситъ многое въ жертву целому ряду даромъ слова. Красное слово беретъ первѣе надъ истиною, бойкая мысль надъ зрѣлымъ сужденіемъ, такое обвиненіе надъ безразумнымъ и утвержденіемъ ибѣннѣмъ. Люди, которые по своимъ счастливымъ дарованіямъ, могли бы успешно воздѣлывать отечественную словесность или предаться общепользнымъ изысканіямъ, тратятъ сокровища своего ума на замысловатыхъ прегіяхъ, ежедневно возобновляющихся, но мало содѣйствующихъ расширенію или утѣрженію здравыхъ понятій. Между тѣмъ отсюда слышны жалобы на мертвенность здѣшней общественной жизни, не представляющей достаточной пищи для умовъ образованныхъ;

попторяются горькія сѣтованія; что поле отечественной словесности; для Москвы особенно, дѣло не приноситъ обильнаго урожая.

И вотъ мысленный образецъ, къ достиженію котораго, думали мы, должна стремиться Московская газета:

При успѣшной исполненіи предложенной цели, ежедневный «Горьбаской Листокъ», передавая вѣрно городскія происшествія, устранилъ бы живымъ вѣсти въ той мѣрѣ, въ какой онъ необходимо возникаетъ въ многолюдномъ населеніи, если оно узнаетъ новости только посредствомъ молвы; обращая вниманіе на возникающія въ городѣ учрежденія или предприятия, и изысканія о теперешнемъ и прежнемъ состояніи Москвы съ возможными различіями точекъ зрѣнія. «Городской Листокъ» предлагалъ бы читающей московской публикѣ статьи о предметахъ къ ней близкихъ и заслуживающихъ ея вниманіе, и могъ бы даже содѣйствовать къ достиженію болѣе основательныхъ и тонкихъ понятій, которыя, во многихъ случаяхъ, могутъ быть приобретены (какъ напр. статистическіе выводы) лишь при тщательныхъ и постоянныхъ изысканіяхъ, съ опредѣленною целью предпріятыя и на вѣсть производимыхъ; разсказывая городскія празднества, увеселенія и новости съ остроумною живостью; «Городской Листокъ» придавалъ бы городской жизни нѣсколько той прелести, которую изысканная словесность набрасываетъ даже на предметы неважные, когда коснется до нихъ искусною и тонкою кистию; наконецъ, сообщая чисто литературныя произведенія московскихъ литераторовъ, и статьи изъ области наукъ, составленныя московскими учеными, и нарочно написанныя языкомъ понятнымъ для всякаго образованнаго читателя, «Городской Листокъ» подержалъ бы съюшенія даровитыхъ людей, исключительно тѣмъ или другимъ предметомъ занимающихся, не только съ московскомъ, но и вообще со всею читающею русскою публикою.

Статья, изъ которой приводимъ теперь выписки, начиналась слѣдующими словами:

Указывая на дѣль, къ которой будетъ стремиться, мы отнюдь не утверждаемъ, что успѣемъ ее достигнуть. Предваряемъ, что объясненіе наше не есть общіяніе и даже, что исполненіе будетъ ниже предложенія.

Слова эти конечно не могутъ казаться странными тѣмъ, кто понимаетъ, что, во всякомъ дѣлѣ, должно желать по возможности приблизиться къ той цели, которую признаешь за добрую и истинную, хотя бы мы и сознавали, что для достиженія совершенства нужны большія средства и большія дарованія, нежели какія мы имѣемъ.

И если мы, приступая къ изданію и объяснивъ значеніе нашего предпріятія, то да же прибавили, что исполненіе будетъ ниже предложенія, то равно и теперь; не по срам-